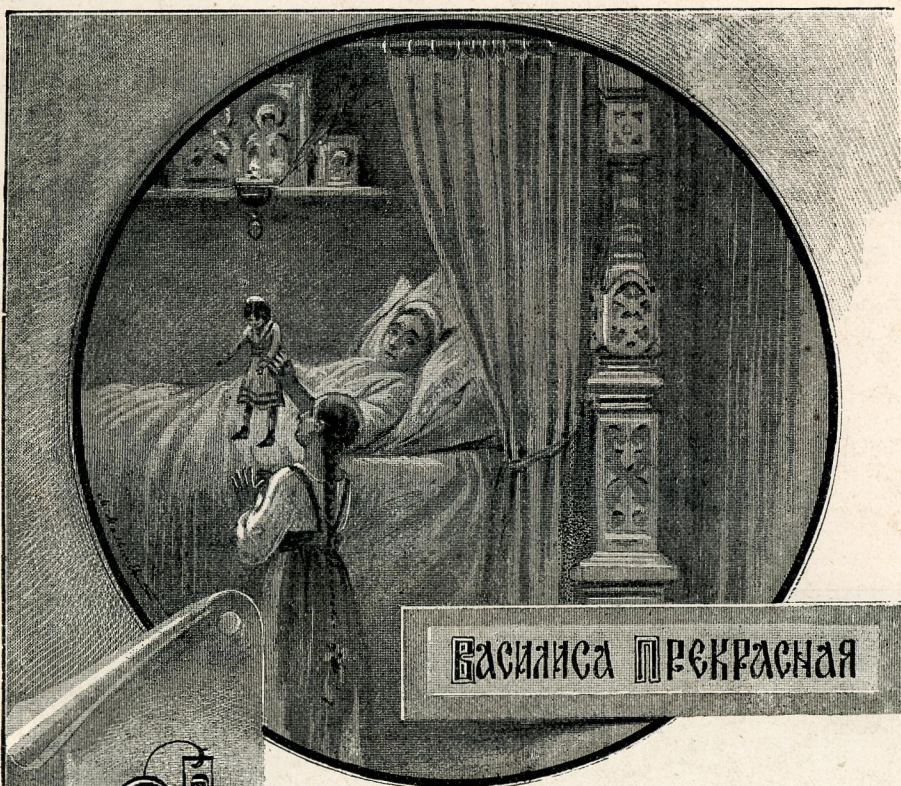

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

илъ былъ купчина въ невѣдомомъ городѣ;
Десять лѣтъ жилъ онъ въ законномъ су-
пружествѣ,

Дочку прижилъ—Василису Прекрасную.
Вотъ заболѣла купчиха нешуточно;
Чувствуя смерть, она требуетъ дѣвочку,
Куклу даетъ ей, съ такимъ приказаніемъ:
—„Пуще всего береги, Василисушка,
„Ты эту вещь, никому не показывай;

„А коль случится съ тобою несчастіе —
„Дай ей поѣсть и проси наставленія“.
Съ дочкой простилась и вскорѣ скончалася.

Справилъ купецъ по женѣ поминаніе,
Нищимъ далъ денегъ, поплакалъ, какъ водится
И о женитьбѣ сталъ снова подумывать.
Былъ человѣкъ онъ хорошій, зажиточный;
Много невѣстъ за него собиралось,
Но изъ всѣхъ полюбилась ему одна вдовушка,
Женщина въ лѣтахъ, съ двумя уже дочками.
Думалъ купчина, что вдовушка зрѣлая
Будетъ хозяйкой и доброю матерью,
Но послѣ свадьбы все вышло на-выворотъ:
Мачихѣ злой красота Василисина
Спать не давала; втроемъ онѣ дѣвочку
Мучили разной тяжелой работою, —
Чтобъ отъ трудовъ поскорѣй она высохла,
Съ солнца да вѣтра чернѣе бы сдѣлалась.
Жизнь не красна на долю ей выпала!
Но Василиса несла все безропотно,
День ото дня становясь все красивѣе.

Какъ-же то дѣлалось? — Куклиной помощью.
Гдѣ-жъ бы безъ куклы сиротѣ управиться?
Вечеромъ поздно, какъ всѣ ужъ улягутся,
Дѣвочка въ горенкѣ крѣпко затворится,
Куколку вынетъ и, давъ ей поужинать,

Горе расскажетъ, прося наставленія.
Куколка, скушавъ, утѣшитъ сироточку,
А ужъ на утро работа вся справлена:
Политы гряды, скотинка накормлена,
Тѣсто замѣшано, печка истоплена,
Славно живетъ ей съ доброю куколкой!

Годы минуютъ; растетъ Василисушка,
Стала невѣстой красивѣйшей въ городѣ;
Всѣ женихи въ перебой ее сватаютъ.
Дочекъ-же мачихи вовсе сторонятся.
Мачиха злится и всемъ проповѣдуетъ:
— „Ранѣ старшихъ не выдамъ я младшую, —
„Такъ-молъ и знайте!“ и злость накипѣвшую
На Василисѣ срываетъ побоями.

Вотъ снарядился купецъ за товарами
Въ дальнія страны, на время немалое;
Мачиха жить безъ него переѣхала
Въ самую глушь, возлѣ лѣса дремучаго.
Тамъ, среди лѣса, на гладкой прогалинѣ
Баба-яга проживала въ избушечкѣ,
Бла людей, какъ цыплятъ, съ наслажденіемъ,
Страхъ наводя на деревни окрестныя.
Часто купчиха гоняла въ ту сторону
Ей ненавистное мужнино дѣтище,
Но Василиса возвращалась счастливо:
Тропкой окольной вела ее куколка.

Осень настала. Всѣмъ дѣвункамъ мачиха
Разное на вечеръ дѣло назначила;
Дочкамъ велѣла: плести старшей кружево,
Младшей—чулки шерстяные надвязывать,
А Василисѣ—сучить пряжу тонкую;
Все погасила, лишь свѣчку оставила
Въ горенкѣ той, гдѣ дѣвицы работали,
И на лежанку скорѣй завалилася.
Вотъ нагорѣла свѣтильня, и старшая,
Съ свѣчки снимая, какъ-будто нечаянно,
(Дѣлала-жъ такъ по внушенію матери)
Свѣтъ загасила.—„Теперь что мы сдѣлаемъ?“
Крикнули всѣ.—„Вѣдь огня не имѣется..
„Къ бабѣ-ягѣ собираться приходится“
—„Я не пойду“—отказалася старшая:—
„Мнѣ отъ булавоекъ сіянья достаточно“.
—„Я остаюсь“—порѣшила и младшая:—
„Спицы мнѣ свѣтятъ, какъ лучше не надобно“.
—„Ну, Василиса, тебѣ ужъ приходится
„Къ бабѣ-ягѣ отправляться немедленно!“
Обѣ вскричали сестрицы бездушныя
И Василису изъ комнаты выгнали.
Та прослезилась, вошла въ свою горенку,
Вынула куклу, дала ей поужинать
И свое горе подружкѣ повѣдала.
Кукла, покушавъ, сиротку утѣшила:
—„Полно, не бойся, дружокъ Василисушка,

„Зла никакого съ тобою не станется,
„Только меня ты держи всегда около“.
Куклу въ карманъ Василисушка спрятала,
Мигомъ одѣлась—и къ лѣсу дремучему,
Въ страхѣ крестясь, по дорогѣ направилась.

Долго-ль, коротко-ли шла сиротинушка—
Скачетъ вдругъ всадникъ... Его одѣяніе,
Конь богатырскій и сбруя—все бѣлое.
Въ небѣ, сквозь сумракъ, легонько забрежжилось...

Дальше идетъ — новый всадникъ встрѣчается:
Конь, одѣяние и сбруя—все красное..
Солнце всходитъ изъ-за лѣса собирается...

Сутки прошла Василиса и къ вечеру
Бабы-яги увидала избушечку:
Всюду заборъ изъ костей человѣческихъ;
Сверху людскіе нанизаны черепы;
Вмѣсто дверей у воротъ ноги цѣльныя,
Вмѣсто засововъ все руки бѣлѣются,
Вмѣсто замка челюсть зубы оскалила.
Жутко отъ ужаса стало вдругъ дѣвушкамъ:
Вся обомлѣла, стоитъ, не шевелится...

Вновь ѣдетъ всадникъ... Его одѣяніе,
Конь богатырскій и сбруя—все черное..
Всадникъ, подѣхавъ къ воротамъ избушечки,
Мигомъ пропалъ—ночь спустилася темная.
Но темнота длилась время недолгое:

Очи у череповъ вскорѣ заискрились,
И, словно днемъ, освѣтилась прогалина.
Дрожмя дрожала несчастная дѣвушка,
Двинуться съ мѣста не видя возможности.

Вскорѣ послышался шумъ устрашающій;
Съ трескомъ дерева къ землѣ пригибались,
Листья хрустѣли. Изъ лѣса дремучаго
Баба-яга показала свирѣпая;
Къ дому примчалась, кругомъ все обнюхала,
Голосомъ зычнымъ сердито воскликнула:
— „Духъ здѣсь россійскій какъ-будто-бы чувствуется!
„Кто здѣсь? Откликнися!“ — „Я это, бабушка!“ ...
Къ ней Василиса со страхомъ приблизилась: —
„Свѣту достать меня сестры отправили.“
— „Ладно, получишь; но прежде работницей
„Мнѣ послужи-ка не-то тебя слопаю!“
И закричала: — „Вороты широкія,
„Крѣпкій запоръ, для меня отворитесь!“
Все отворилось. Вошли онѣ въ горницу;
Баба-яга растянулась на лавочкѣ
И приказала собрать ей поужинать.
Свѣчку зажгла Василиса у череповъ,
Вынула кушанья ношу изрядную,
Обѣгала въ погребъ и старой поставила
Меду и пива карчаги огромныя.
Все это съѣла старуха и выпила,

Дѣвушкѣ только оставивъ поужинать
Хлѣба ломоть да кусокъ поросятины;
Влѣзла на печку и стала приказывать:
— „Завтра уѣду я, ты же все вычисти,
„Бѣтъ приготовь, да чтобъ было не голодно;
„Четверть пшеницы возьми тамъ изъ закрома
„И къ возвращенью очисти отъ куколя;
„Коль не исполнишь—зажарю и слопаю!“
Баба-яга захрапѣла, а дѣвушка,
Горько заплакавши, куколку вынула,
Кушать дала ей обѣдки старухины
И свое горе подружкѣ повѣдала.
Кукла, покушавъ, сиротку утѣшила:
— „Полно, не плачь, Василиса Прекрасная,
„Съ Богомъ ложись отдохнуть отъ усталости,
„Утро покажетъ намъ болѣе вечера!“

Встала съ постели дѣвица ранешенько,
Видитъ: глаза потухаютъ у череповъ;
Быстро мелькнулъ бѣлый всадникъ поляною—
Сумракъ ночной мгновенно разсѣялся.
Вышла яга на крылечко и свистнула:
Ступа съ пестомъ подлетѣла, какъ перышко.
Всадникъ весь красный пронесся прогалиной
Всплыло на небѣ багровое солнышко.
Сѣла старуха пестомъ размахнулася
И со двора, словно вѣтеръ, помчалася.

Въ домѣ осталась одна Василисушка:
Ходить по хатѣ и думаетъ думушку:
„Какъ ей съ работой со всею управиться?“
Глядь,—а работа почти что окончена:
Зерна послѣднія чернаго куколя
Въ кучку бросаетъ прилежная куколка.
—„Вѣрный мой другъ!“—Василиса воскликнула:
„Ты избавляешь меня отъ гибели!“
—„Стряпай обѣдъ!“ приказала ей куколка,
Прячась въ карманъ ободрившейся дѣвушки.
Къ вечеру баба-яга воротилась,
Все осмотрѣла, съ немалой досадою,
Что разсердиться на дѣвушку не за что.
Послѣ вскричала:—„Рабы мои вѣрные,
„Зерна смелите въ муку въ пшеничную!“
Мигомъ шесть рукъ, неизвѣстно откуда,
Взяли пшеницу и скрылись немедленно.
Баба-яга напилась, пообѣдала,
Влѣзла на печку и стала приказывать:
—„Завтра чтобъ было все то-же исполнено
„Да чтобъ и макъ-то, насыпанный въ закромѣ,
„Былъ весь очищенъ отъ сору, по зернышку“.
Баба-яга захрапѣла, а дѣвушка
Куколкѣ доброй покушать поставила.
Куколка съѣла, сказавъ по вчерашнему:
„Съ Богомъ ложись, Василиса Прекрасная,—
„Утро покажетъ намъ болѣе вечера!“

Баба-яга утромъ снова уѣхала,
 Двѣ-же подруги все живо исправили.
 Баба-яга возвратилася къ вечеру,
 Все оглядѣла и громко воскликнула:
 — „Слуги исправные, други мнѣ вѣрные,
 „Масло изъ мака скорѣе мнѣ выжмите“.
 Мигомъ шесть рукъ, неизвѣстно откуда,
 Макъ захватили и скрылись немедленно.
 Сѣла старуха за столъ и обѣдаетъ:
 — „Что-жъ ты молчишь?“—говоритъ она дѣвушкамъ.
 — „Смѣлости нѣтъ разговаривать, бабушка,—
 „Кой-же о чемъ разспросить-бы хотѣлося“.
 — „Ладно, разспрашивай, только попомнѣй:
 „Много узнаешь—скоро состаришься!“
 — „Кто это всадникъ весь бѣлый мнѣ встрѣтился!“
 — „День мой прозрачный, веселый, сіяющій“.
 — „Послѣ я видѣла всадника краснаго“...
 — „То—мое солнышко, красное, ясное“.
 — „Всадника чернаго тоже примѣтила“...
 — „Ночь моя темная;—слуги все вѣрные!“
 Дѣвушкамъ тоже и руки припомнились
 Да побоялась старуху разспрашивать.
 — „Что-же, и будетъ?“—старуха ей молвила.
 — „Будетъ и этого! Ты-же грозила:
 „Много узнаю—такъ скоро состарѣюсь!“
 — „Правда; и ладно ты дѣвушка дѣлаешь:
 „Я любопытныхъ не очень-то жалую—

„Бмъ безъ пощады! Теперь мнѣ повѣдай-ка
„Какъ ты съ работой моей управляешься?“
— „Мнѣ помогаетъ напутствіе матушки“.
— „Вотъ оно что!.. Ну, скорѣе проваливай!“
Баба-яга, разсердившись, прикрикнула; —
„Дочекъ такихъ ни на что мнѣ не надобно!“
За дверь толкнула счастливую дѣвушку,
Черепъ съ забора, съ глазами горящими,
Мигомъ сняла, Василисѣ промолвивши:
— „На-вотъ огонь... ты за нимъ и явилася“.

Быстро пустилась, при свѣтѣ отъ черепа,
Дѣвушка къ дому и, къ ночи добравшись,
Черепъ, какъ лишній, забросить надумала:
„Дома теперь-вѣдь въ огнѣ не нуждаются“.
Но вдругъ изъ черепа глухо слышалось:
— „Ты не бросай, а неси меня къ мачихѣ“.
Дѣвушка взглядомъ все окна окинула
И, не замѣтивъ огня ни малѣйшаго,
Въ домъ порѣшила идти вмѣстѣ съ черепомъ.
Все ее встрѣтили крайне привѣтливо
И за огонь чуть не въ землю ей кланялись.
— „Мы съ той поры“, — объяснила ей мачиха, —
„Какъ ты ушла, вѣдь огня и не видѣли!
„Сами добыть не могли, какъ ни бились,
„Тотъ-же, что брали, горѣлъ лишь на улицѣ;
„Твой-то авось въ нашемъ домѣ подержится.

Черепъ внесли, но лишь только поставили—
Плохо пришлось злобной мачихѣ съ дочками:
Жгутъ ихъ глаза, какъ желѣзо каленое!
Мечутся бѣдныя, скрыться надѣются—
Всюду глаза ихъ палятъ и преслѣдуютъ!
Къ утру лишь непелъ отъ мачихи съ дочками
Сѣрыми кучками видѣнъ былъ въ горницѣ!

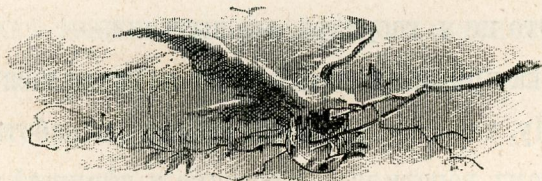
Черепъ зарыла немедленно дѣвушка,
Домъ заперла и направилась къ городу;
Тамъ у старушки одной пріютилася
И поджидать стала батьку-родителя.
Вотъ, наконецъ, ей безъ дѣла соскучилось;
Просить купить она льну первосортнаго.
Льна ей купила старушка отличнаго,
Прясть Василиса усѣлась немедленно;
Спорится, дѣло какъ лучше не надобно,
Пряжа выходитъ нѣжнѣе былиночки.
Ткать-бы пора да задержка за бердами:
Тонкихъ такихъ пріискать нѣтъ возможности.
Къ куклѣ тогда обратилась дѣвушка;
Та попросила челнокъ, бердо старое,
Гривы немного, и за ночь изладила
Станъ богатѣйшій—хоть прямо на фабрику!
За зиму все полотно было выткано,
Ровное, тонкое, такъ что въ игольные
Уши, какъ нитки, свободно вдѣвалось!

Выбѣливъ на весну, холстъ Василисушка
Въ даръ предложила радушной хозяйшеѣ.
Та какъ взглянула—такъ тутъ-же и ахнула!
—„Диво такое на плечи лишь царскія!
„Кромѣ царя, надѣвать его некому..
„Завтра снесу во дворецъ твой подарокъ“.
Утромъ старушка съ холстиной отправилась;
Царь, полотно оглядѣвъ, съ удивленіемъ
Цѣну спросилъ.— „Нѣтъ цѣны ему, батюшка:
„Въ даръ принесла я его твоей милости“.
Царь приношеніе принялъ старушкино
И отпустилъ ее съ честью великою.

Стали сорочки кроить государевы;
Холстъ искромсали, а шить-то и некому:—
Швей подходящихъ нигдѣ не находится!
Царь за старухой отправилъ немедленно:
— „Коль полотно ты такое ужъ выткала—
„Сшей и сорочки“.— Старуха отвѣтила:
— „Это не я, государь, его выткала,—
„Дочка-пріемышъ надъ нимъ потрудилась“.
— „Ну, такъ пусть дочка мнѣ ихъ и работаетъ.—
Въ домъ воротилась старушка и дѣвушкѣ
Царскій приказъ передать не замедлила.
Та за работу взялася, не мѣшкая,
И недолгѣ всѣ сорочки окончила.
Царь, получивъ ихъ, желаніе высказалъ

Лично увидѣть швею небывалую.
Тотчасъ пришла Василиса Прекрасная;
Царь какъ увидѣлъ—такъ тутъ-же безъ памяти
Ею плѣнился, сказавъ въ восхищеніи:
—„Нѣтъ, не разстанусь съ тобой я, красавица,
„Будешь ты мнѣ женой и царицею!“
Взялъ Василису за бѣлыя рученьки,
Возлѣ себя усадилъ и на завтра-же
Свадебку съ нею сыгралъ богатѣйшую.

Вскорѣ вернулся отецъ Василисушки,
Счастьемъ ея подивился несказанно
И во дворецъ перебрался на жительство.
Взяли туда и старушку-хозяюшку;
Куклу-жъ съ собой Василиса Прекрасная
Всю свою жизнь проносила въ карманчикѣ.

Солдатъ, Марѳа-царевна и чортъ.

Жилъ да былъ на свѣтѣ удалый солдатъ;
Было солдату годовъ пятьдесятъ.
Вдаль, за границу солдата угнали,—
Много тамъ видѣлъ онъ горя-печали.
Вотъ отслужилъ онъ положенный срокъ,
Вышелъ въ отставку и, взявъ узелокъ,
Въ путь снарядился на родину, въ гости,
Тамъ успокоить солдатскія кости.
Шелъ онъ долговѣко по многимъ землямъ
Разнымъ являлся царямъ, королямъ.
Вотъ добрался онъ до нѣкой столицы,
Въ царскомъ колодезѣ выпилъ водицы,
Встрѣтилъ старушку—и ну толковать:
Ладно-ль въ томъ царствѣ имъ жить-поживать?
—„Горе, служивый, у насъ приключилось:
„Марѳа-царевна красоткой родилась,
„Сватался къ ней иновѣрческій князь;
„Замужъ царевна идти побоясь,
„Князю тому на-отрѣзъ отказала;
„Тотъ на царевну, ни много, ни мало,

„Силу нечистую вдругъ напустилъ...
„Вотъ уже третій годокъ наступилъ —
„Мается бѣдная, стонетъ и бьется,
„Словно съ душою своею разстается.
„Какъ ни хлопочетъ нашъ царь-государь, —
„Все понапрасну: колдунъ и знахаръ
„Боли лихой иль понять не умѣютъ,
„Иль съ силою вражьей бороться не смѣютъ!“

Выслушалъ это бывалый солдатъ,
Живо надѣлъ свой военный нарядъ,
Усъ подчернилъ, причесался, побрился,
Въ путь ко дворцу скорымъ шагомъ пустился.

„Дай, попытаюсь; царевну авось
„Вылѣчу я; тогда батька небось,
„Рубликъ-другой мнѣ подать не упрется!“
Видитъ прислуга: солдатъ тутъ толчется, —
Грубо пристала: — „А ты что за гусь?“
— „Марѳу-царевну лѣчить я берусь!“
Мигомъ подъ ручки его подхватили,
Чуть не бѣгомъ во дворецъ потащили.
— „Ты, говорятъ“, — ему вымолвилъ царь, —
„Лѣкарь искусный, колдунъ и знахаръ...
„Если съ царевны ты хворь ея снимешь —
„Столько дамъ денегъ, что вдругъ не поднимешь!“
— „Радъ постараться я, царь-государь,
„Только и ты себя въ грязь не ударь:
„Дай четверикъ мнѣ чугунной картечи,

„Мѣру орѣховъ, три сальныя свѣчи,
„Картъ двѣ колоды, желѣзный прутокъ,
„Съ острыми зубьями крѣпкій скребокъ,
„Да человѣка подобье съ пружиной.“
Царь согласился; въ два дня съ половиной
Все изготовили. Заперъ солдатъ
Окна и двери дворцовыхъ палатъ,
Всѣ закрестилъ, одну дверку оставилъ,
Карточный столъ средь покоя поставилъ,
Свѣчи зажегъ, насоваль въ двѣ кисы
Пуль да орѣховъ и сталъ на часы.

Въ полночь нечистый къ дворцу прилетаетъ.
Хочетъ войти—всюду крестъ не пускаетъ.
Долго вокругъ онъ безъ пользы леталъ,
Чистую дверь, наконецъ, увидалъ,
Сталъ человѣкомъ и въ двери толкнулся.
—„Кто тамъ?“—солдатъ на часахъ встрепнулся.
—„Служба, пусти,—я придворный лакей“.
—„Гдѣ-жъ ты таскался, проклятый халдей?“
—„Гдѣ я таскался—меня ужъ тамъ нѣту!
„Лучше садись, потолкуемъ до свѣту;
„Дай мнѣ орѣшковъ“...—„Бери, мнѣ не жалъ!
„Крѣпки лишь больно“...—„Твоя что-ль печаль?“
Даль ему пулю солдатикъ нашъ бравый,
Давитъ зубами ту пулю лукавый,
Всю ее смялъ, а разгрызть нѣту силъ;
Той-же порою солдатъ раскусилъ

Пронасть орѣховъ; сидить да шелкаетъ.
 „Ну, ужъ и зубы!“ нечистый вздыхаетъ;
 — „Плохъ ты, я вижу!“ смѣется солдатъ, —
 „Самъ-же просилъ да теперь и не радъ!
 „Я-то вѣдь сколько на службѣ трудился:
 „Зубъ о каленый сухарь притупился, —
 „Ты-бъ молодого меня поглядѣлъ!“
 — „Эхъ, кабы въ карты со мною ты сѣлъ!“
 — „Что-жъ, я не прочь... да на что ты играешь?“
 — „Въ деньги, конечно“... — „Чудаекъ! аль не знаешь
 „Деньги солдата: копѣечка въ день,
 „Всюду какъ хочешь ее ты и дѣнь;
 „Надо и ваксы, и клею, и мыла,
 „Тоже на баню въ запасъ чтобъ было;
 „Станемъ-ка лучше играть на щелчки!“
 Чортъ согласился—и съ легкой руки
 Живо пробилъ до десятка солдату.
 — „Ну-ка, держись! я вотъ вашему брату
 „Вмигъ покажу, какъ съ солдатомъ играть!
 „Лобъ подставляй!“—сталъ солдатъ наступать.
 Чортъ испугался, давай торговаться:
 „Деньгами, служба, нельзя-ль разсчитаться?“
 — „Что въ твоихъ деньгахъ! Впредь не играй,
 „А согласился—такъ лобъ подавай!“
 — „Бей хоть полегче!—хлопочетъ лукавый: —
 „Долго-ль убить — ты вѣдь вонъ какой бравый!“
 — „Что, перетрусилъ? Ну, такъ ужъ и быть,

„Брату меньшому велю тебя бить;
„Онъ послабѣе... Идемъ къ нему что-ли?“
Чортъ согласился, хотя противъ воли.
Въ смежный покой его служба повелъ,
Къ куклѣ чугунной вплотную подвелъ,
Тронулъ пружину и такъ изловчился,
Что, словно шаръ, бѣдный чортъ покатился
И на утекъ!—Но солдатъ его хватъ:
—„Нѣтъ, мой почтенный, изволь получать:
„Девять щелчковъ за тобой въ недоимкѣ!“
Снова подвелъ, поигралъ на пружинкѣ:
Чортъ отъ удара къ окну отлетѣлъ,
Раму прошибъ и домой улетѣлъ.

Марѳа-царевна всю ночь проспала,
Утромъ, какъ прежде, здоровою встала.

Новаго чорта нечистый послалъ,—
Еле и тотъ отъ солдата удралъ.
Десять еще чертенятъ побывало—
Всѣмъ на орѣхи довольно попало!
Самъ сатана порѣшилъ, наконецъ,
Къ Марѣѣ-царевнѣ идти во дворецъ.
Входить въ покои, солдата встрѣчаетъ,
Тотъ ему въ карты играть предлагаетъ;
Сѣли; солдатъ сатану обыгралъ,
Брату меньшому расчетъ передалъ.
Двинулъ пружину; чугунные руки
Чорта такъ взяли, что всѣ его штуки

Вырваться вонъ — прекратились ничѣмъ;
Сталъ сатана и послушень, и нѣмъ.
Началъ солдатъ тогда чортову спину
Прутомъ пахать, какъ мужикъ десятину;
Бьетъ да кричить:— „Будешь въ карты играть?
„Будешь царевнѣ покой отравлять?“
Прутъ исхлесталъ, за скребокъ ухватился,
И, какъ нечистый ему ни молился,
Такъ его пробралъ, что тотъ, какъ шальной,
Вырвался вонъ и умчался домой.
Съ охомъ да ахомъ въ болото явился:
— „Плохо, внучата: солдатъ, какъ озлился,
„Такъ меня донялъ, что чуть не убилъ!“
— „То-то не вѣрилъ! а насъ угостилъ
„Такъ, что не знаемъ, какъ лбы уцѣлѣли,—
„Благо что съ братомъ мы дѣло имѣли!“
Стали нечистые думу держать,
Какъ-бы солдата имъ съ мѣста согнать.
Думали долго; рѣшили смириться,
Бочкой рублей отъ него откупиться,—
Разомъ примчались къ солдату толпой..
Тотъ закричалъ:— „Ну-ка, братецъ меньшей,
„Долгъ намъ платить должники собралися,
„Надо щелчки отпускать—торопися!“
— „Полно, служивый, мы съ дѣломъ пришли:
„Бочку цѣлковыхъ тебѣ принесли,
„Только дворецъ ты оставь поскорѣ“.

— „Что мнѣ въ рубляхъ! Мнѣ гораздо любѣе

„Если вы въ ранецъ залѣзете мой,—

„Тотчасъ тогда и уйду я домой“.

Черти, въ восторгѣ, тотчасъ согласились,
Въ ранецъ солдата гурьбою набились.

Ранецъ на пряжки солдатъ закрѣпили

И троекратно крестомъ осѣнили;

Вскинулъ на плечи, царю доложилъ:

— „Такъ, молъ, и такъ: отъ чертей я отбилъ;

„Надо теперь, государь, приказать

„Дюжину молотовъ крѣпкихъ сковать“,

Молоты въ кузницѣ царской сковали,

Вѣсть, что „готовы“, солдату послали.

Ранецъ свой въ кузню солдатъ притащилъ,

На наковальню его положилъ.

Молоты дружно по немъ загремѣли,—

Скверную пѣсенку черти запѣли:

Двинуться имъ ни впередъ, ни назадъ!

Славную баню имъ задалъ солдатъ.

Взявъ послѣ ранецъ, въ мундиръ облачился

И къ государю съ докладомъ явился:

— „Службу я кончилъ: царевна напредъ

„Больше не будетъ страдать и болѣть“.

Царь благодарствовалъ:— „Можешь, служивый

„Пить въ моемъ царствѣ ты водку и пиво

„Сколько захочешь; тебя полюбя,

„Всѣ я расходы беру на себя“.

Мѣсяцъ гулялъ нашъ солдатъ съ позволенья,
Водку и пиво тянулъ безъ зазрѣнья,
И, нагулявшись, къ царю, наконецъ,
Въ платьѣ походномъ пошелъ во дворецъ.

— „Что ты, служивый, никакъ нагулялся

„И, какъ я вижу, домой ужъ собрался?

„Полно! Останься-ка лучше у насъ,

„Чинъ генеральскій получишь какъ разъ!“

— „Нѣтъ, государь, не могу я остаться:

„Хочется съ близкими мнѣ повидаться.“

— „Съ Богомъ тогда!“—Царь его отпустилъ,

Даль лошадей и казной наградилъ.

Бѣдетъ солдатъ, ямщика понукаетъ,

Вдругъ сослуживца дорогой встрѣчаетъ:

— „Здравствуй, пріятель! Ну, какъ ты живешь?

„Много-ль деньжонокъ въ кубышки кладешь?“

— „Гдѣ ужъ намъ класть! Лишь-бы хлѣба хватило!“

— „Мнѣ-вотъ такъ счастье, дружокъ, привалило;

„Сталъ я богатъ и не вѣдаю какъ!

„Надо, братъ, выпить... сходи-ка въ кабакъ,

„Четверть купи да вспоманемъ старинку!“

— „Радъ-бы я сбѣгать, да нужно скотинку

„Къ мѣсту прибрать, напоить-накормить,—

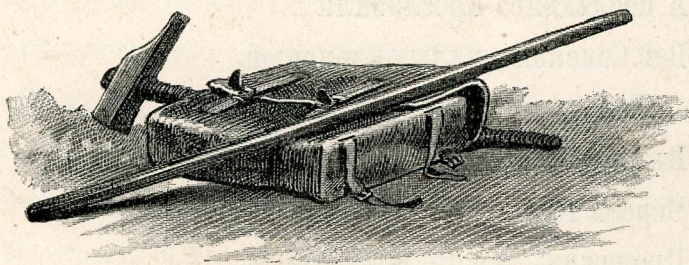
„Лучше тебѣ самому ужъ сходить“.

— „Ладно, схожу, а ты ранецъ возьми-ка,

„Въ избу снеси, и отъ малъ до велика

„Всѣмъ накажи, чтобъ не трогать никакъ“.

Все какъ приказано—сдѣлалъ землягъ,
Ранецъ принесть, приказалъ не касаться
И со скотинкой пошелъ управляться.
Бабамъ не терпится:—„Дай, поглядимъ
„Ранецъ солдатскій съ богатствомъ какимъ?“
Стали разстегивать... Черти гурьбою,
Словно шальные, съ самимъ сатаной,
Бросились вонъ—и давай удирать!
—„Стой, шельмецы! Кто васъ смѣлъ выпускать?“
Крикнулъ солдатъ, имъ попавшій на встрѣчу;—
„Маршъ ко мнѣ въ ранецъ—не то искалѣчу!“
Черти, съ испуга предъ страшной грозой,
Кинулись все въ буковище *) стрѣлой,—
Да навсегда тамъ гостить и остались.
Бабы предъ службой кой-какъ оправдались...
Тотъ съ землякомъ двѣ недѣли гулялъ,
Послѣ собираться на родину сталъ.
Тамъ отыскалъ онъ сестрицу да брата,
Домикъ поставилъ и зажилъ богато.

*) Мѣсто подъ колесомъ мельницы.